

Жанна д'Арк (Фанни Ардан) готова взойти на костер.

Фото Артема Чернова (НГ-фото)

Фанни Ардан не погорела

Мультимедийный проект на сцене Московского дома музыки

Анна Андрушкевич,
Григорий Заславский

В этом году фестиваль «Владимир Спиваков приглашает» проходит с поразительным размахом. Но с тех самых пор, как была объявлена его программа, в Москве с особенным нетерпением ждали одного концерта – исполнения оратории Онеггера «Жанна д'Арк на костре»: на главную роль в этом сочинении была приглашена легендарная французская актриса Фанни Ардан. В постановке был задействован Национальный филармонический оркестр России (дирижер – Владимир Спиваков), хор Свешниковской академии, дирижер – Виктор Попов, молодые солисты этого же вуза. Премьеру сыграли позавчера, сегодня вечером – второе представление оратории.

Руководил всем режиссер Кирилл Серебренников. Так что концертное исполнение местами превратилось в спектакль. Несмотря на свободные места, по окончании аплодировали так, как будто зал был переполнен. Воспользовавшись случаем, московская публика выдала всю свою любовь к Ардан.

Оратория Онеггера была написана на текст Поля Клоделя, известного французского дипломата и истового католического мыслителя. Это – философский диалог Жанны и Святого Доминика. Жанна привязана к столбу и в ожидании казни просит объяснить ей, что произошло и почему ее осудили. В ответ Доминик показывает ей два сатирических эпизода: суд, который ведет Свинья (фамилия судьи, приговорившего Жанну, была Кошон, то есть Свинья), – и «Игру в карты», где под гавоты и полонезы Короли разыгрывают ее судьбу. Потом недав-

ние события уходят вдаль, а прошлые, напротив, обретают явность: Жанна вспоминает детство, праздники и коронацию в Реймсе. В конце – жертвенный костер и хвала освобожденной Франции.

Серебренников и его постоянный соавтор, художник Николай Симонов, конечно, не стали все это разыгрывать прямолинейно (да, в общем, и такой возможности не было, поскольку сцена была занята оркестром и хором). Из всех возможных выбрали жанр мультимедийного проекта. Для исполнителей «освободили» узкие коридоры авансцены и специально выстроили помост, разделивший сцену пополам резким перпендикуляром. За «мультимедийность» отвечал затянутый бе-

в этом зале традиции все солисты пели в микрофоны, иного акустика, увы, не позволяет. И как же это портило дело! Живой хор, живой оркестр и «механические», хотя часто красивые по тембру голоса никак не сдвинулись в ансамбль. Так что его приходилось воображать, вычитая децибелы у одних и добавляя другим.

Впрочем, главной в этот вечер была, безусловно, Фанни Ардан. Наверное, с этой ролью успешно справилась бы и любая хорошая русская актриса (нечего и начинать перечислять, список был бы обширным). Но приглашение Ардан, стоившее, вероятно, немалых денег, конечно, перевело обычный концерт в ранг общественно-культурного события. Оперы или оратории

на Доминика. Он же, видя перед собой великолепную Фанни Ардан в гневе, понятное дело, теряется. В результате вместо беседы на духовные темы складывается интеллектуальный поединок, при этом богатырской внешности Доминик (Дмитрий Назаров) выглядит как будто виноватым, а грациозная Жанна вулканически сильна и лишена сомнений.

Ардан веришь во всем, кроме, пожалуй, одной фразы: «Я – бедная пастушка», – говорит она. Вот уж нет! Бедные пастушки выглядят иначе.

Оратория Онеггера открывается прологом, первое и главное слово в котором – tenebres (мрак); она заканчивается жертвенным костром, пылающим «из сердца Фран-

Мистерия Онеггера прозвучала как вполне понятная сегодняшняя история о борьбе женщины за свои права

лым задник, на котором яркие красные штрихи «затерялись» черными, нечто вроде компьютерного скринсейвера из рисованных линий.

Фанни Ардан была в изящном сером платье, Доминик – в современном костюме. Почти единственным предметом, появившимся на сцене, были вербные ветки, означавшие весенний праздник, а по его окончании превратившиеся в вязанку хвороста для костра, пламя которого вспыхнуло на экране. Пока на сцене бушевали страсти, хор мальчиков обрывал белые шарики с вербных веток. Это был хороший контрапункт.

Аккомпанемент оркестра был на редкость деликатным и колоритным, много хорошего можно сказать о певцах. Музыкально этот вечер был бы удачным, если бы не одно обстоятельство. По уже сложившейся

традиции на концертных сценах у нас время от времени появляются (один из недавних примеров – «Эдип» Стравинского, сыгранный год назад в Концертном зале Чайковского; но там все были «наши», и судить о событии пришли лишь искушенные знатоки).

Привыкшая к сложным ролям, за свою жизнь Ардан сыграла не одну сильную духом героиню (например, Марию Каллас у Дзеффирелли). И совершенно естественно, что в ее исполнении Жанна была и экспрессивной, и трагической. Но в результате из символической фигуры, ведущей отрешенные философские беседы, Жанна превратилась в живую, современную, очень страстную женщину, борющуюся за свои права, за суверенитет своей свободы. Она кричит и протестует, сокрушительно атакуя вопросами свято-

сти». То есть мы имеем дело со своеобразным движением «от мрака к свету». Но попробуйте радоваться этому свету, если вы до того в течение полутора часов наблюдали очаровательную, живую Жанну, а тут видите, как ее триумфально жгут; и те же люди, которые только что бросали в огонь хворост, восхваляют ее бессмертный подвиг. Это возможно, только если в финале удастся выйти к какому-то иному, совсем нереальному измерению, – чего, к сожалению, не произошло. Короче говоря, мистерия Онеггера и Клоделя прозвучала как вполне понятная сегодняшняя драма, она обрела плоть и кровь и внешнюю эффектность, но (несмотря на присутствие на сцене сразу нескольких святых женского пола) утратила мистическую окраску.